

А

Г. А. Мачтет

В тундре и в тайге

(Повесть из сибирского быта)

Русские повести XIX века 70-90-х годов. Том первый

М., ГИХЛ, 1957

OCR Бычков М. Н.

I

Скучно в северной тундре.

Куда ни погляди -- на север, на юг, на восток и запад, в какую хочешь повернись сторону, -- все одно и то же. В долгую зиму, когда иные лунные ночи бывают чуть ли не светлее короткого сумрачного дня, -- кругом одно безбрежное, беспросветное море снежного наста, по которому шибкою рысью бегут, не проваливаясь, тонконогие олени да вихрем мчатся на лыжах люди. В осень -- одни непроглядные туманы да серо-свинцовые, душные тучи... И только в короткую весну -- лето оживает быстро, и на миг тундра пестреет яркими красками, горит синевато-зеленым травяным блеском, небо блещет яркою и глубокою лазурью, а все окрест полно гама, визга и стрекота несметного птичьего слета, нежащегося под горячими лучами почти неподвижного солнца. Но и тогда перед глазами подавляющее и мозг и душу непривычного человека однообразие: сине-зеленая кочка, кочка и кочка... тысячи... миллионы кочек, сливающихся на горизонте в беспредельное сине-зеленое море... Томительно скучно. Недаром старые, много слышавшие люди говорят, что тундра -- дело рук нечистого, который задумал было овладеть этим куском божьей земли.

-- А осподь многомилостивый не попустил ему овладеть совеем, -- говорят старые люди. -- Кажинный год приказал красну солнцу и туда заглядывать, чтобы, которые там человеки есть, благодать осподню понимали.

Но и там, в тундре, есть люди, для которых она милей и дороже всякого другого уголка на земле, как и каждому человеку его родное место. Ни на что не променяет инородец, оленевод и охотник, свою болотную, томительно скучную пустыню с ее холодом и мраком, летним бичом -- комарами, тучи которых могут заживо съесть человека. Что ему самый богатый, город, самый роскошный сад, о которых рассказывают бывалые люди! Есть у него в безбрежном снежном море из оленьих шкур юрта, есть оленье стадо, пять-шесть привычных к стаду мелких, остроносых, умных собак, есть в озерах и реках рыба, а в пустыне -- горностай, песец и выдра, -- и ничего ему больше не надо. Тут он живет и умирает, страдает и любит, тут поет свои монотонные, как вой северного ветра, как сама пустынная тундра, бесконечно длинные песни... Ни о чем больше он и знать не хочет.

Не один, впрочем, инородец, населяет тундру, есть тут и пришлый народ. Из далеких городов и сел гонят сюда человека и нужда и нажива. Идут сюда за "пушшиной" и рыбой, которую так легко выменивать у наивного и доверчивого сына пустыни на разбавленную водою водку, дешевый табак и всякую иную дрянь, с чем давно уже ознакомили дикаря добрые люди. Пришлые люди у больших рек, на хороших съезжих местах поставили свои крошечные поселки, не то городки, не то деревушки, и живут только меной да рыбною ловлей. Сжились они с тундрой, свыклись, и стала мила она многим из них, пожалуй, как самому инородцу. Поколения их сменялись поколениями, а вместе с тем росла и крепла привязанность к тундре, как к родному месту.

-- Благодать здесь! -- говорят теперь обитатели таких пустынных городков, до самых крыш заносимых снегом. -- Всего вдосталь: рыбы, пушшины всякой... Суцая благодать! -- И ничего другого они тоже как будто знать не хотят. Избы теплы, еды довольно, -- любить, богатеть, родиться и умирать и здесь можно...

Но и там выпадает порою такое, что и рассказать и послушать интересно. А охотники там до рассказов добрые люди, -- была бы только охота слушать, -- многое порасскажут. Забыл я многое из того,